

СЕМЕЙНОЕ
СЧАСТЬЕ

ПРОЗА

**ДИАНЫ
МАШКОВОЙ**

ДИАНА
МАШКОВА

**ДОЧКИ-
МАТЕРИ**

Роман

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М38

Художественное оформление серии *С. Власова*

Фотография на обложке *Е. Мартынюк*

Машкова, Диана.

М38 Дочки-матери : роман / Диана Машкова. — Москва :
Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-096381-2

В ее жизни все наперекосяк: мечтала быть писателем — работает журналисткой, стремилась создать семью — оказалась у разбитого корыта, хотела стать образцовой матерью — получила ненависть ребенка, готова была всю себя без остатка отдать любимому — ему не нужна ее жертва. Почему все наоборот? Чем виновата Инна Маковецкая перед судьбой и за что она так жестоко ее наказывает? А главное, что сделать, чтобы кара не распространялась хотя бы на дочь? Инне придется искать ошибку в собственном прошлом...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

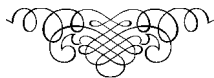
© Машкова Д., 2019
© Е. Мартынюк, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-096381-2

*С глубокой благодарностью
за помощь в создании этой книги
и огромной любовью —
моей дочке Нэлле*

Часть I

Глава 1

Игорь вышел из душевой кабины — словно шагнул на сцену. Инна с улыбкой протянула ему полотенце. Мужчина вытер сначала лицо, потом грудь. Отодвинул с дороги застывшую со счастливым выражением лица женщину, которая была похожа в своем светло-зеленом махровом халате с капюшоном на куколку бабочки. Отодвинул и подошел к зеркалу.

— Толстею? — нахмурившись, спросил он.

— Нет. — Инна инстинктивно втянула в себя живот. — Отлично выглядишь.

Пока Игорь вытирал плечи и мускулистую спину, она украдкой любовалась его отражением: лаково-черными волосами в каплях-бриллиантах, высоким лбом, квадратными скулами, покрытыми жесткой щетиной, и выразительным изгибом губ. Его кожа еще хранила загар Юго-Восточной Азии, по которой он путешествовал в поисках вдохновения весь октябрь, до начала европейских выставок.

Глядя на него, Инна видела одного из греческих богов, запечатленных в бронзе. Лишь редкие волоски на рельефной груди напоминали о том, что перед

ней — не статуя, отлитая гениальным скульптором, а живой человек.

— Я скучала, — произнесла она одними губами.

Непостижимым образом он услышал. Повернулся к ней и, уронив полотенце на пол, обнял за плечи.

— И я, — голос, от которого мтели миллионы поклонниц, прозвучал игриво, — ну что, возвращаемся?

Его темно-синие глаза возбужденно блеснули. Он сбросил с головы Инны капюшон и погладил ее по непослушным волосам, вьющимся мелким бесом. Она смущенно кивнула.

— Догоняй!

Он вышел из ванной комнаты. Инна нагнулась за полотенцем, повесила его на радиатор. Мельком взглянула на себя в зеркало — ее счастье сияло, как «Кохинур» — и на цыпочках (только сейчас заметила, как холодно стоять на кафельном полу босыми ступнями) засемила в спальню.

Еще полтора часа просочились сквозь время.

А после Инна лежала, уткнувшись носом в ароматную щеку Игоря, и сражалась со своим возвращением. Ей хотелось задержаться в другом измерении еще хотя бы на миг, но неутомное чувство долга уже гнало прочь из горячей постели.

— Как тебя встретила Вена? — спросила она, украдкой косясь на часы.

— Потрясающе. — Игорь перекатился со спины на бок и обнял Инну. — Первые пять дней в галерею стояла очередь.

— Ты гений!

— Работаю, — его глаза сияли от удовольствия.

— Да уж, двадцать четыре часа, — согласилась она и торопливо поцеловала мужчину в губы.

— Зато, — Игорь с притворным огорчением вздохнул, — ни на что другое сил не остается. Даже от заработанных денег не успеваю получать удовольствие. А что у тебя?

— Все по-старому, — Инна расстроилась из-за напоминания о собственных неудачах, — пока никуда не взяли. А ты прочитал?

Она с беспокойством заглянула ему в лицо.

— Не все успел, только «Пророчество Эльзы».

— И как? — ее голос выдавал сильное волнение.

— Захватывает, — признался он, — хороший сюжет. Только ты же знаешь, я не любитель фэнтези.

— Но слог, язык? — настаивала она.

— На мой взгляд, отлично. — Инна услышала скуку в его голосе. — Только я не твоя целевая аудитория. Мне сложно судить.

«Целевая аудитория», — повторила она про себя. Умеет Игорь всего парой слов безнадежно испортить чудесное настроение! А впрочем, за те пять лет, что они встречаются, ей пора бы привыкнуть: его интересуют только собственные дела. Но ведь и она не надеялась на творческую поддержку этого мужчины: хотела от него совершенно другого. Поэтому нет смысла обижаться.

Инна выскользнула из объятий Игоря: пора было уходить. После недолгой передышки в другом мире

жизнь вернулась на круги своя, и время снова бежало сломя голову. Ей давно нужно быть дома.

— Без терпенья нет спасенья, — изрек знаменитый художник то ли в назидание, то ли в утешение.

— Понятно, — бросила она.

— Я писал пятнадцать лет, прежде чем меня заметили.

— В этом году я тебя догнала, — Инна, начиная терять терпение, огрызнулась. Пора прекращать этот разговор.

— Значит, ты что-то не так делаешь! — Игорь, как всегда, не уловил ее состояния — слышал только себя. — Размениваешься. Тратишь энергию и время не на то, на что нужно!

Она не ответила. К чему глупые ссоры? Им никогда не понять друг друга. Он — мужчина и может позволить себе роскошь абсолютной свободы. А она всего лишь женщина, которая по рукам и ногам связана обязательствами.

Инна села на край кровати и стала шарить рукой по полу в поисках белья и чулок.

— И все-таки ты большой молодец, — похвалил ее Игорь рассеянно.

Инна замерла от приятного чувства, вмиг отогревшего душу.

— Да? — она повернулась к нему с улыбкой. — Значит, тебе понравилась моя книга?

— Я не об этом, — он замешкался на секунду.

— О чем?

В воздухе повисла пауза. Инна застыла, глядя на

Игоря, с руками, заведенными за спину — пыталась застегнуть лифчик, но замерла ради комплимента любимого мужчины. Он так редко ее хвалил.

— О том, — он замолчал, словно раздумывая, стоит говорить или нет, — что прекрасно все понимаешь: наши постельные встречи — не фундамент для отношений.

Оглушенная его словами, Инна так и осталась в нелепой позе: миг похолодевшие пальцы прилипли к спине. Внутри нее словно раздался взрыв, освободивший страх и одиночество, которые всего лишь несколько часов назад удалось запрятать в надежный тайник.

Игорь почувствовал, какой силы эффект произвели его слова. Сел на кровати, отвел ледяные руки Инны в стороны и одним точным движением вставил в петли крючки.

— Человеку творческому нужна независимость, — объяснил он извинительным тоном, — ты же знаешь.

Инна молчала, пытаясь справиться с обрушившимся на нее горем. Она никогда не переступала черты: оставляла за Игорем его независимость и свободу, по многим причинам не втягивала его в собственную жизнь. Не жаловалась, не ныла. Покорно ждала. Она всегда считала, что первый шаг к совместной жизни должен сделать именно он: не вправе женщина брать в свои руки инициативу в любви. Есть опасность все безнадежно испортить.

И вот после пяти лет отношений она вдруг услышала от человека, в котором души не чаяла, который

был для нее и смыслом, и светом, что их чувства — это всего лишь «постельные встречи».

— Ты думаешь? — прошептала она, сраженная.

— Я уверен.

Ярость закипела в ней, но она давно научилась контролировать эмоции.

— А что, если меня в твоей жизни не станет? — бросила она.

Игорь задумался, но всего на секунду.

— Плохо, — нагнулся к ней и поцеловал в плечо, — но я переживу. Все, одевайся, не буду мешать.

Он грациозно выскользнул из постели и ободряюще потрепал Инну по спутанным волосам. В его голове уже возникали яркие образы, которые он хотел теперь перенести на холст, и присутствие женщины начинало мешать.

— Не возражаешь, если я поработаю? — спросил он.

— Вперед.

— Захлопни дверь, когда будешь уходить, ладно?

— Да.

Он собрал с пола свою одежду и, насвистывая, скрылся в мастерской. Инна увидела распятый на мольберте холст, валявшиеся всюду краски, кисти, перепачканные тряпки. А потом дверь захлопнулась. И щелчок замка прозвучал для нее как выстрел.

Ее начало трясти, словно в спальне, которая всего несколько минут назад казалась тропиками, теперь стоял лютый мороз. Она стащила с себя лифчик, едва справившись с крючками, и, обхватив себя руками,

бросилась в ванную комнату. Включила в душевой кабине горячую воду на полную мощность, дождалась, когда пар окутает помещение до полной потери очертаний предметов, и шагнула под кипяток. Вскрикнула, повернула вентиль с холодной водой, подставляя потоку лицо.

Выйдя из душа и завернувшись в его полотенце, теплое после радиатора и сводящее с ума любимым запахом, она поняла, что не сможет отказаться от единственного счастья в своей проклятой жизни.

Она испортила все сама. Игорь звал ее с собой в путешествие по Таиланду, Камбодже, Индонезии, Бирме. Хотел, чтобы она прилетела к нему в Вену на открытие выставки, потом — в Будапешт. Но она не смогла, осталась в Москве.

Инна открыла дверь и шагнула за порог ванной комнаты одновременно с вырвавшимся наружу паром. Подошла к закрытой двери мастерской Игоря. Взявшись за ручку, она почти повернула ее, но вовремя остановилась. Нет! Игорь должен принять решение сам.

Попятившись, вернулась в спальню, быстро оделась. И, не оглядываясь, выбежала из квартиры, с шумом захлопнув за собой входную дверь.

Только по дороге к метро, уже позвонив домой, Инна вспомнила, что не оставила Варшавскому новый номер своего сотового телефона. Старый аппарат у нее недавно пропал — то ли где-то выронила, то ли украли. Пришлось срочно покупать телефон, а заодно и сим-карту: прежняя была оформлена на Витю, который давно исчез из ее жизни, здраво рассудив, что

ему нужна женщина, а не «творческая личность». Да еще без успешной реализации, а заодно и «с прицепом».

Инна опустилась на жесткую скамейку в пустом вагоне и, откинувшись назад, горько расхохоталась. Так нелепо могла поступить только она. Прекрасно ведь знала, что Игорь не возьмет трубку, если увидит незнакомый номер — последнее время ему без конца докучают, — и все равно, увидев любимого мужчину, обо всем на свете забыла...

Инна открыла дверь в собственную квартиру одновременно с боем старинных часов в прихожей. В темноте споткнулась о ботинки, брошенные у самого порога, включила свет и увидела, что обувь, как всегда, заляпана глиной и грязью. Чуть подальше, прямо на полу, валялась мокрая куртка. Инна безнадежно вздохнула, подняла ее и повесила на плечики. Потом разделась сама и отправилась в ванную комнату мыть ботинки.

В кухне ждала гора немой посуды и опустошенный — даже яйца, и те исчезли бесследно — холодильник. Она засучила рукава и открыла кран. Гора тарелок быстро таяла в ее привычных руках, а в горле то и дело появлялся противный ком, который она заливала водой из кувшина: в ее положении нельзя было давать волю слезам.

Покончив с делами, Инна прошла в свою комнату, которая раньше была гостиной, и плотно прикрыла за собой дверь.

Новый телефон быстро вспотел в ее горячей ладони, а через пять гудков стал выскальзывать, словно

она звонила из сауны. Игорь всегда отвечал на ее звонки — в любое время дня и ночи, но теперь, как она и боялась, не взял трубку: элементарная мера предосторожности для человека, чье имя известно по всей стране.

Когда гудки десятого кряду звонка умолкли, Инна поняла, что повторять попытки бессмысленно: он не принимает чужие звонки и, не читая, удаляет СМС с сомнительных номеров. Слишком часто в последнее время стал получать послания, в которых люди просили у известного художника денег. Или предлагали себя, если говорить о женщинах. Конечно, давно нужно было сменить номер телефона, ставший достоянием общественности, но Игорь сопротивлялся.

Еще в те времена, когда фамилия Варшавский никому ни о чем не говорила, Игорь оставлял номер своего мобильного на виртуальных галереях, куда пристраивал на продажу картины. И прекрасно помнил о том, что именно на этот телефон ему впервые позвонил известный галерист, именно на этот номер вышел лучший в стране агент и рекой потекли клиенты. Чем больший успех приходил к Игорю, тем более суеверным он становился: «Нельзя поворачиваться к удаче спиной», — любил повторять он. И хранил в мастерской кучу ненужных вещей, превратив их в амулеты и талисманы. Таким же талисманом давно стал и его телефон.

Инна с досадой отбросила в угол дивана свой аппарат, который не принес ей пока ничего, кроме огорчений, и выгатила из сумки блокнот. Ручку и бумагу